

Е Сяои поспешно уклонился от руки Цзи Тяня и заговорил, пытаясь перевести тему:

— Разве ты не сегодня уезжаешь? Время уже позднее, так что поторапливайся, пора в путь.

Цзи Тянь шагнул ближе и крепко прижал юношу к себе.

Е Сяои хотел было вырваться, но услышал тихий голос:

— Дай учителю обнять тебя.

Юноша замер.

«Ладно уж, — подумал он. — Человек несколько месяцев провёл в пути только ради того, чтобы поздравить меня с днём рождения. Пусть обнимет».

Лишь когда Цзи Тянь ушёл, Е Сяои вспомнил одну немаловажную деталь: прошлой ночью учитель обмолвился, будто он вовсе не тот, за кого себя выдаёт. Неужели перед ним не настоящий Цзи Тянь?

Е Сяои вдруг поймал себя на мысли: как было бы хорошо, окажись его наставник кем-то другим, а не этим несчастным музыкантом с его трагической судьбой. Меньше душевных терзаний, никаких любовных драм с театральными актёрами... Пусть бы он оставался просто его личным учителем.

Не случись прошлой ночью того nepозволительного поцелуя, Е Сяои и дела не было бы до Фань Сяююня, знаменитого столичного актёра. Но теперь это имя не давало ему покоя.

Ведомый этой слабой надеждой, Е Сяои решил разузнать всё, что можно, о янчжоуском лютнисте Цзи Тяне.

Вести оказались обескураживающими. Как выяснилось, настоящий Цзи Тянь всё это время беспробудно пил и предавался праздности в весёлых кварталах Янчжоу и лишь на днях покинул город, отправившись на запад.

«Так он вовсе не мчался ко мне через всю страну?» — у Е Сяои перехватило дыхание от возмущения.

Если этот человек безвылазно сидел в Янчжоу, стоило ли вообще благодарить его за то, что он соизволил заглянуть на праздник перед своим отъездом? Е Сяои не на шутку разозлился. Неужели тоска по какому-то Фань Сяююню заставила его так опуститься?

Разумеется, юноша не знал, что Мо Юэ просто выслал настоящего музыканта из города от греха подальше, щедро оплатив его кутежи в других провинциях — лишь бы тот не вздумал крутиться возле его драгоценного ученика. И надо же было такому случиться, что эта предосторожность породила у Е Сяои совершенно ложные подозрения.

В канун Нового года, когда Е Сяои исполнилось двенадцать, Мо Юэ снова тайно вернулся в Янчжоу.

В ту ночь за оградой Сада Е долго звучала лютня, но Е Сяои так и не вышел к музыканту.

Праздник длился три дня, и всё это время Мо Юэ не уходил, наполняя округу заунывными мелодиями.

Е Сяои упорно притворялся глухим, но незванный гость продолжал играть. Пальцы его давно были стерты в кровь, а когда зарядил холодный зимний дождь, он даже не подумал укрыться от непогоды.

В конце концов Е Сяои не выдержал. Раскрыв зонт, он вышел за ворота и молча встал рядом, укрывая упряма от ледяных струй. И тут «Цзи Тянь» покачнулся и рухнул на сырую землю.

— Учитель! — вскрикнул Е Сяои, отбрасывая зонт и пытаясь поднять мужчину.

Тёмная ткань одеяния музыканта насквозь пропиталась холодной дождевой водой, смешанной с кровью. Заметив это, Е Сяои закричал во весь голос:

— Дядя Цюань! Скорее зови лекаря!

Срочно прибывший лекарь осмотрел больного и покачал головой: раны были застарелыми, нанесёнными мечом или саблей ещё несколько месяцев назад. Из-за истощения и сырости старые шрамы открылись вновь.

По словам лекаря, больной находился на грани полного истощения сил, и ему требовался строжайший покой и должный уход.

Е Сяои поспешно вложил в руку лекаря увесистый кошель с серебром, убедительно попросив держать язык за зубами. В эти беспокойные времена колотые и резаные раны приравнялись к государственным преступлениям, и доносить о них властям предписывалось незамедлительно.

Проводив лекаря, юноша запер дверь и сам принялся переодевать, обмывать и перевязывать пострадавшего.

Когда он осторожно стирал грязь с лица наставника, с кожи вдруг сошёл тонкий слой белил.

Прежде их встречи всегда происходили под покровом ночной темноты, и Е Сяои никогда не замечал этого странного грима. Намочив чистую ткань, он потёр кожу сильнее — и замер в изумлении.

«Постойте... Да это же маскировка!»

Завершив перевязку, Е Сяои уселся на стул возле кровати, закинул ногу на ногу и, скрестив руки на груди, принялся терпеливо ждать, когда этот обманщик соизволит очнуться.

«Каков подлец! И как только смелости хватило? Что ж, посмотрим, как ты будешь оправдываться, когда откроешь глаза.

Вместо того чтобы водить корабли на мои деньги, он безвылазно сидел в Янчжоу и разыгрывал передо мной комедию с наставничеством!

Да ещё и целоваться лез, прикрываясь хмелем! А теперь приволок на себе кучу свежих ран. Что за тайные игры ты затеял?»

Юноша хмуро разглядывал спящего. Лицо мужчины стремительно наливалось нездоровым багровым румянцем. Е Сяои коснулся его лба — кожа была горячей как уголь.

«Проклятье, раны воспалились. Доигрался».

Е Сяои досадно цыкнул сквозь зубы. И ведь знал, что ранен, а всё равно полез геройствовать! С таким состоянием сидеть трое суток на холоде под дождём и терзать струны... Ему что, совсем жить надоело?

Е Сяои легонько похлопал лежащего по щеке:

— Эй, очнись. Слышишь меня? Твоё состояние ухудшается. Мне нужно позвать толкового военного лекаря, обычный травник тут не поможет. Ответь, откуда эти раны? Тебя ищут?

Мужчина не открыл глаз, но он слабо нащупал ладонь Е Сяои и прижал её к своей груди. Обжигающее дыхание коснулось уха юноши:

— Сяо И... Я так скучал...

«Всё ещё "учитель"? Ну и лицедей».

Е Сяои настойчивее похлопал его по щекам:

— Да очнись же ты! Могу я пригласить военного врача или нет? Обычный лекарь с такими травмами не справится. И прекрати юлить: что за дела ты проворачиваешь у меня за спиной? Ищейки на твоём хвосте есть? Отвечай!

Наконец Мо Юэ с трудом приоткрыл затуманенные лихорадкой глаза и слабо, виновато улыбнулся.

Разглядев сквозь марево жара встревоженное лицо юноши, он тихо прошептал:

— Сяо И... Наконец-то ты вышел ко мне...

Е Сяои едва сдержал желание стукнуть этого упрянца:

— Ближе к делу! Как лечить твои раны?

Мо Юэ слабо повёл рукой по груди, понимая, что его уже переодели в чистое сухое бельё. Чуть слышно он прошептал:

— Там, у ворот... где я сидел... остался мой дорожный узел. В нём лекарства.

— Жди здесь! — бросил Е Сяои и пулей вылетел из комнаты.

Мо Юэ, устало прикрыв глаза, со слабой улыбкой прислушался к удаляющимся торопливым шагам.

Вернувшись со свертком, Е Сяои развязал его и обнаружил целую гору всякой всячины. Там лежали сладости, отрезки дорогих тканей, диковинные безделушки... Стало ясно, что путник собирал эти подношения долгие месяцы в дальних краях. Сомнений не осталось — перед ним действительно был его заботливый «Цзи Тянь».

Выудив со дна узелка несколько склянок и глиняных горшочков, Е Сяои спросил:

— Что из этого мазать, а что пить?

Мо Юэ вновь приоткрыл глаза и тихо отозвался:

— Подойди ближе... Я всё расскажу.

Смотреть на его натянутую улыбку было невыносимо.

— Плохо себя чувствуешь — нечего скалиться! Твоё заискивание не заставит меня забыть о том, что ты водил меня за нос!

Улыбка сошла с лица Мо Юэ, он нахмурился. Он бессильно уронил голову на подушку и нащупал ладонь юноши:

— Сяо И... Мне и впрямь худо...

— Раз худо, зачем тогда на рожон лез? — проворчал Е Сяои, но гнев его уже понемногу угасал, сменяясь глухой тревогой.

С такими ужасными ранами стоять под ледяным дождем... Он что, не ведает, насколько скудны познания здешних лекарей? Одно заражение крови — и поминай как звали!

Мо Юэ крепче сжал его пальцы и глухо заговорил:

— Я основал торговый союз на западе. Едва мы отбились от степных кочевников, как я сразу пустился в обратный путь... Всё спешил, хотел успеть поздравить тебя с праздником. А ты запер ворота и не пускал меня. Я ведь так рвался к тебе... Жестокий ты...

«Надо же, это я ещё и виноват! Кто из нас кого за дурака держал столько времени?»

Е Сяои с размаху поставил склянки на прикроватный столик.

— Коли не расскажешь, как этим пользоваться, я умываю руки. Могу прямо сейчас пойти и заказать тебе приличный гроб!

Мужчина потянул его за руку, заставляя склониться, и ласково коснулся его волос:

— Не надо... Твоему учителю предстоит ещё долго быть с тобой. Смотри: в чёрной шкатулке мазь для заживления плоти, она вытягивает гниль. В белом флаконе — особое снадобье от жара и воспаления, оно утихомирит боль и остановит кровь. Сделай примочки и вели сварить мне какой-нибудь отвар, чтобы сбить жар. И никакого военного лекаря, прошу тебя.

— Словно дитя малое, пока не прикрикнешь — не послушаешься, — проворчал Е Сяои.

Он распорядился приготовить жаропонижающий настой, а сам принялся бережно очищать и обрабатывать раны.

Юноша молча и сосредоточенно накладывал целебную мазь, стараясь не причинять боли. Мо Юэ не сводил с него внимательного, тёплого взгляда.

— Сяо И... — негромко нарушил молчание раненый. — Скажи, зачем ты тогда выкупил меня из рабства? Ведь знал, что я сын казнённого преступника. Не побоялся, что однажды я затею мятеж и навлеку беду на твой дом?

Пальцы Е Сяои даже не дрогнули, он даже взгляда не поднял:

— Помолчи лучше. За обман я с тебя ещё спрошу, будь уверен. Сначала встань на ноги, а уж тогда я лично выбью из тебя эту дурь!

«Знал, чем рискует, и всё равно полез на рожон! Тоже мне, заговорщик выискался. Ему бы только розг хороших всыпать».

Е Сяои раньше искренне верил, что Мо Юэ — парень неглупый и понимает: честная торговля куда выгоднее и безопаснее смертельно опасных политических игр. Кто же знал, что тот упрямо изберёт стезю мятежника? В этот момент юноше безумно хотелось хорошенько встряхнуть его, заставив одуматься.

Мо Юэ шумно вздохнул и прикрыл глаза.

— Сяо И... А если я наследник прежней династии? Если моя цель — вернуть утраченный престол, ты... отречёшься от меня?

Рука Е Сяои застыла в воздухе. Он ошеломлённо уставился на лихорадочно дышащего мужчину. Раб, которого он когда-то приобрёл ради мелких поручений, оказался опальным принцем? И теперь этот безумец планирует устроить переворот?

«Проклятье! Мне бы только сдать экзамены на чжуанюаня да уберечь собственную шкуру. Какая, к лешему, реставрация династии?»

Е Сяои склонился к самому его лицу и сердито прошептал:

— А ну выкладывай! Во что ты вляпался? Тебе сейчас ничего не грозит? Откуда эти раны? Стражники империи уже рыщут по округе в твоих поисках?

Мо Юэ едва заметно покачал головой:

— Можешь спать спокойно. Благодаря твоему вмешательству при дворе все убеждены, что последний выживший царевич давно мёртв. Никаких розыскных листов нет. А пострадал я в стычке с кочевниками на западных рубежах. В тех краях признают лишь право сильного: не

покажешь зубы — лишишься и дела, и жизни. Я основал там опорный пункт под названием Форт Орла, налаживаю торговлю. Тебе понравится, когда увидишь.

Вид этого израненного, истощённого человека, который из последних сил пытался шутить и заглядывал ему в глаза в поисках одобрения, вызвал у Е Сяои очередную вспышку досады.

— Довольно! — сурово прервал его юноша. — О делах поговорим позже. Сейчас твой главный долг — лежать смирно и поправляться. И никаких глупостей, уяснил?

Мо Юэ послушно кивнул и устало закрыл глаза.

Лихорадка действительно подкосила его не на шутку: этот крепкий, закалённый боец едва держался на ногах. Убедившись, что непосредственной опасности разоблачения нет, Е Сяои со спокойной душой пригласил обычного городского лекаря, чтобы тот приготовил сильное средство от жара.

Опасный перелом в болезни наступил лишь к исходу третьего дня нового года. Всё это время Е Сяои не отходил от постели больного: менял прохладные повязки на его лбу, растирал пылающее тело крепким вином и осторожно вливал горькое снадобье в губы беспамятно шептавшего.

Лишь за полночь, когда дыхание Мо Юэ наконец выровнялось, а жар спал, обессиленный юноша рухнул прямо на край постели и мгновенно уснул.

Первые лучи утреннего солнца скользнули по одеялу, когда Мо Юэ открыл глаза. Повернув голову, он невольно улыбнулся: у его ног, уткнувшись носом в подушку, спал Е Сяои. Юноша так утомился, что уснул в самой неудобной позе, едва ли не свесившись с края кровати.

Заботливо приобняв его за плечи, Мо Юэ притянул сонного юношу ближе к себе, укрыл одеялом и снова заснул, убаюканный его мерным дыханием.

Проснувшись, Е Сяои обнаружил перед самым своим лицом крепкую, перевязанную чистыми бинтами грудь. Мо Юэ надёжно удерживал его в тёплых объятиях сильными руками.

Внезапная близость чужого тела заставила его сердце тревожно забиться.

«Неужели этот парень действительно ко мне равнодушен?»

Иначе как объяснить все те недомолвки, странные намёки и, наконец, тот памятный поцелуй, когда Мо Юэ скрывался под личиной бродячего лютниста? Ну надо же было так влипнуть!

Е Сяои поспешно высвободился из объятий и сел на постели, пытаясь навести порядок в

мыслях. Отношения между ними запутались в такой тугой узел, что голова шла кругом. Кем теперь считать этого человека? Своим верным слугой и названным братом? Или всё же высокородным принцем? Наставником, который вложил в него столько сил, или загадочным, ранимым «Цзи Тянем»?

«Надо же, какой многоликий пройдоха! Столько времени водить меня за нос... Такое прощать нельзя!»

Заметив, что юноша собирается уйти, Мо Юэ мгновенно перехватил его за запястье:

— Куда же ты? Вспомни, когда ты приносил клятву ученика, обещал исполнить три моих волей. Неужто забыл?

Как тут забудешь! Во-первых, вовек не брать иных учителей. Во-вторых, во всём беспрекословно слушаться наставника. И в-третьих — беспрекословно следовать правилу номер два.

Теперь, оглядываясь назад, Е Сяои искренне недоумевал, какой бес попутал его согласиться на столь грабительские условия.

— У тебя ещё хватает наглости попрекать меня этим? — вскинулся он, пытаясь высвободить руку. — Заманил меня в ловушку обманом, требовал невыполнимые клятвы... Всё, договор расторгнут!

— Наставник на один день — отец на всю жизнь, — со вздохом укоризны произнес Мо Юэ. — Неужто стоило тебе перенять моё мастерство игры на лютне, как старый учитель стал не нужен? Сяо И, не будь так жесток...

Договорив, он обнял юношу со спины, не давая подняться с постели.

«Ишь, как заговорил! Видать, жар спал, раз снова принялся разыгрывать драму».

Е Сяои обернулся и строго посмотрел на него:

— Хватит паясничать. На дворе уже первый месяц нового года, а в феврале мне предстоит сдавать уездный экзамен. Нужно подать бумаги, подготовить кучу вещей. Поправляйся без лишней суеты. А когда я закончу с делами, мы вернёмся к этому разговору.

Он сделал многозначительную паузу и добавил:

— И к тому времени тебе лучше подготовить очень, очень подробный рассказ обо всех твоих тайнах. Уяснил?

Период траура по родителям, который Е Сяои прилежно соблюдал с десятилетнего возраста, наконец подошёл к концу. Теперь перед ним была открыта прямая дорога к государственным экзаменам.

При упоминании об экзаменах Мо Юэ мгновенно посерьёзnel.

— Мой флот вернётся в Янчжоу через четыре месяца. Трюмы забиты золотом, драгоценными камнями и серебром, так что о расходах можешь не беспокоиться. Стоит тебе подтвердить звание сюэя, и мы без труда выкупим у местных чиновников рекомендацию на провинциальный экзамен. Уж перед нашими сундуками они точно не устоят.

По негласным правилам, если соискатель умудрялся занять первое место на уездном, префектурном и академическом экзаменах подряд, он удостоивался почётного титула «малого тройного лауреата». Такому самородку позволялось миновать промежуточные испытания и сразу подавать прошение на сдачу экзамена провинциального уровня.

Однако гении подобного масштаба рождались раз в столетие. Надеяться лишь на исключительную благосклонность главного экзаменатора, рассчитывая брать лишь первые места, было делом крайне рискованным.

Именно поэтому отпрыски богатых и знатных родов предпочитали более надёжный путь — они попросту выкупали у ведомства просвещения те редкие квоты, что давали право миновать предварительный отбор. Количество этих мест было строго ограничено, и борьба за них разыгрывалась нешуточная. Чтобы обойти конкурентов из влиятельных кланов, требовалось не только блестяще сдать экзамен на сюэя, но и подготовить поистине баснословные суммы для подношений.

Е Сяои прекрасно отдавал себе отчёт в том, что за его плечами было лишь три года усердных занятий. Состязаться с книжниками, которые провели за учебниками добрых десять лет и успели набить руку на прошлых испытаниях, было делом непростым — рассчитывать на безусловное первенство не приходилось. Тем не менее он твёрдо вознамерился показать наилучший результат и войти в списки первых учеников.

Посредственные баллы обесценили бы любые взятки чиновникам: слабейших безжалостно отсеивали на провинциальном туре, и тогда следующего шанса пришлось бы ждать ещё три года. Поэтому к подготовке к первому, уездному экзамену юноша подошёл со всей серьёзностью.

Экзамен был назначен на февраль, но подавать прошение надлежало уже в первом месяце года.

Первым делом Е Сяои уплатил пошлину в двести медных монет — так называемый «сбор за писчую бумагу». За эти деньги соискателю выдавали лишь чистые листы; переписывать условия задач для каждого никто не собирался. Тексты заданий вывешивали на огромных деревянных щитах перед рядами, а уездные стражники разносили по рядам списки вопросов,

начертанные крупными иероглифами на плотной бумаге. Сама же пошлина шла прямым в карманы уездного судьи и его помощников в качестве платы за их нелёгкий труд.

Только после оплаты писец снизошёл до внесения имени Е Сяои в реестр соискателей.

Сама процедура регистрации оказалась на редкость утомительной и требовала вороха различных бумаг.

Сначала требовалось заручиться поддержкой пятерых сокурсников, сдающих экзамен в том же потоке. Они подписывали обязательство о взаимном поручительстве — так называемое «согласие соплательщиков». В случае если кто-то из шестёрки попадался на обмане, наказание несли все. Затем следовало заручиться поддержкой уважаемого наставника из числа местных лицензиатов-линшэнов, получавших казённый паёк. Тот составлял «добровольное заверение», подтверждая благонадёжность кандидата.

Лишь после того как уездная управа досконально проверяла родословную кандидата до третьего колена на предмет отсутствия среди предков преступников и лиц презируемых сословий, а также удостоверялась, что соискатель действительно прописан в уезде и не соблюдает траур по родителям, ему выдавали заветный пропуск.

Любая попытка утаить низкое происхождение, подделать приписку к уезду или скрыть кончину близких каралась сурово — виновного и всех его поручителей ждала немедленная ссылка или порка бамбуковыми палками.

Разумеется, в те времена не существовало портретов или отпечатков пальцев, но для предотвращения подлогов чиновники использовали весьма действенный метод.

На выданном Е Сяои листе бумаги помимо имени, возраста и уездной приписки красовалось подробнейшее описание его внешности.

В эту графу заносился оттенок кожи (светлый, смуглый или жёлтый), форма лица (круглое, продолговатое или квадратное), рост, а также наличие, густота и длина усов и бороды.

В графе особых примет против имени Е Сяои писец размашистым почерком вывел: «Благообразен чрезвычайно, лицом чист и бел».

Пожилой секретарь уездного судьи, выдававший документ, добродушно усмехнулся:

— Ну и красавец же ты, юноша! С таким лицом тебе прямая дорога в лауреаты третьей степени — звание таньхуа словно для тебя создано.